

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

ПИРАТЫ
ДИКИЙ ОСТРОВ

Пираты

Сергей Зверев

Дикий остров

«Научная книга»

2010

Зверев С. И.

Дикий остров / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2010 — (Пираты)

Мечта террористов всего мира наконец-то осуществилась: к ним в руки плывет сверхоружие. Это устройство способно напрочь отключать любую электронику – в том числе и космическую защиту, системы ПВО и ПРО, компьютерные сети... Осталось лишь купить его у таинственного международного концерна. С таким положением дел не согласны спецслужбы ведущих стран мира. И вот на корабль «Хоуп», идущий курсом на один из островов в Южном полушарии, внедряются два агента специального назначения – один из ФСБ, другой из ЦРУ. Но корабль захватывают пираты, тоже претендующие на секретное оружие. Начинается настоящая бойня, в которую ввязываются и агенты...

© Зверев С. И., 2010

© Научная книга, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Зверев

Пираты. Дикий остров

Глава 1

США. Майами, номер туристического отеля на Бискайском Бульваре

Дверки бара отреагировали мелодичным звоном в лучших традициях респектабельности. Подержав руку с зажатой между пальцами сигарой над горлышками бутылок, Мартин Кэрби все же сделал выбор.

– За успех я предлагаю выпить коньяка, – задумчиво проговорил он, рассматривая этикетку. – Ты как, Джонатан?

– Можно и коньяка, – пожал плечами Уорден. – Лишь бы был успех.

– Кстати, рекомендую попробовать, у нас тут есть засахаренные лимонные дольки. За это изобретение нужно поблагодарить русского царя Николая, – ставя бутылку и две рюмки на столик, объявил Кэрби.

– За какое? – не понял Уорден, оторвавшись от бумаг и подняв голову. – Коньяк?

– Нет, за такое, чтобы закусывать коньяк долькой лимона. Изумительное сочетание, – многозначительно поднял палец Кэрби.

В дверь постучали. Уорден машинально глянул на часы и встал.

– Это Кейн.

Кэрби кивнул ему головой, медленно положил горящую сигару в пепельницу и достал пистолет. Уорден неслышно подошел к двери, некоторое время прислушивался, затем спросил негромко:

– Что вам угодно?

– Это я – Кейн, – раздалось из-за двери. Если бы ответили: «Откройте, это я – Кейн», тогда дела были бы плохи, значит опасность. Уорден отпер дверь. В номер вошел молодой человек в легкомысленной цветной рубашке навыпуск, очках и с кейсом в руках. В отличие от двух мужчин в номере, в которых за милую душу можно было узнать предприимчивых дельцов, молодой человек имел внешность молодого ученого, находящегося на отдыхе. Он прошел в гостиную и, широко и самодовольно улыбаясь, уселся в кресло.

– Льюис, не тани, – вкрадчиво, с нажимом проговорил Кэрби, убирая пистолет и вновь беря сигару.

– Все в полном порядке, мистер Кэрби, – продолжал улыбаться Кейн, привстав и взяв протянутый Уорденом коньяк. – Счет открыт. Среди десятков банковских счетов «Спешал Микро Технолоджис» его никто не заметит. После сделки файлы исчезнут вместе с информацией о клиенте по мановению вот этого пальца.

– Я все же считаю эти шаги излишними, – покачал головой Уорден, стоящий рядом с засунутыми в карманы брюк руками.

– Нет, Джонатан, – рассмеялся Кэрби, – не излишними. Ты недооцениваешь наших партнеров. Уверю тебя, нас будут искать. И пусть следы ведут именно в лаборатории корпорации СМТ. С их научным и производственным потенциалом они еще и не такое могут изобрести.

– Ладно, пусть будет так, – согласился Уорден, по привычке погладив пальцем шрам на виске. – По встрече никаких изменений не будет?

– Нет. Все остается в силе. Но учтите, ребята, что вы должны быть очень убедительными. Вряд ли вам поверят на слово, и вряд ли наши партнеры приедут на встречу без специалиста.

Это твоя забота, Льюис. А твоя забота, Джонатан, – прикрытие места встречи. Не суйся, если сомневаешься. Убедись, что комиссар все выполнил, а после встречи немедленно сообщи ему, что все закончено. Он подстрахует ваш отход.

Аргентина. Провинция Рио-Негро. Побережье в 20 км южнее города Вьедма

Ветер трепал листки бумаги, и их приходилось прижимать к горячему капоту машины. Покупателей было двое: один с европейской внешностью и повадками бывшего военного; второй, скорее всего араб, все время озирался по сторонам и поглядывал на своего напарника. Он очень нервничал и торопился. Это не нравилось Уордену, не любил он суетливых людей. Суетливость – признак либо отсутствия профессионализма, либо нечистой совести.

– Значит, излучение выводит из строя бортовую электронику. Интересно, что до сих пор крупнейшие исследовательские центры не дошли до этого.

– Нам совершенно случайно удалось найти соответствующие параметры, – стал пояснять Кейн, – и потом, это было несложно, так как идея «витала в воздухе». Если специально подбирать параметры, то этим можно заниматься безрезультатно сотни лет.

– Невероятно, – пробормотал европеец, листая папку, – такой маленький прибор дает такое мощное излучение.

Уорден очередной раз украдкой взглянул на наручные часы и переглянулся с Кейном.

– Мы предоставили вам все: расчеты, теоретическое обоснование, схемы, все, на основании чего можно оформить патент на изобретение. Но документация документацией, а демонстрация работы изделия убедит вас, господа, лучше всего.

– Каким образом вы можете продемонстрировать работу устройства?

– Самым обычным, но только в том случае, если все остальное вам кажется убедительным. Сами понимаете, что после демонстрации нам всем придется срочно убираться отсюда. Так что, согласны? – спросил Уорден и показал рукой на небольшой пассажирский самолет, который показался над морем, идя курсом вдоль берега.

– Вы готовы сбить самолет? – покупатели переглянулись. Причем глаза араба загорелись от нетерпения.

– Сделка того стоит, – твердым голосом произнес Уорден. – Да и зачем вам верить на слово, что эта штука работает? Сейчас сами убедитесь в ее эффективности. – Он откинул задний борт пикапа и сдернул брезент. Вместе с Кейном они выдвинули небольшой деревянный ящик и поставили у ног покупателей.

Под крышкой, блестя матовыми боками, лежали в пенопластовой крошке три небольшие ракеты.

– Мы специально подогнали размеры изделия под ПЗРК «Стингера», – продолжал рассказывать Уорден, – поэтому запуск ничем не отличается от стандартного. Захват цели происходит по тепловому излучению, встроенный радар запускает излучатель после прохождения отметки в пятьсот метров до цели. Через пять секунд после импульса происходит самоликвидация ракеты. Хотите попробовать сами?

Европеец, приподняв одну бровь, некоторое время оценивающе смотрел на Уордена. Затем оглянулся на гул авиационных двигателей над заливом Сан-Матиас. Пассажирский самолет приближался. Кейн с некоторой торопливостью стал готовить ракету к пуску, затем протянул установку европейцу. Сбросив пиджак на капот машины, покупатель пристроил оружие на плече. Уорден положил руку на установку так, что обнажились ручные часы и он смог на них глянуть.

– Настройка ракеты включается автоматически после нажатия вот этой кнопки, но мы поставили дополнительное предохранительное устройство, вот здесь. Нужно сдвинуть флажок вверх. – Уорден сдвинул предохранитель. – Можете стрелять.

Европеец со знанием дела повел стволом установки и нажал на пуск. С шипением ракета вырвалась и понеслась вверх с еле заметным белым дымным следом. Отчетливо было видно, как она довернула в воздухе вслед уходящему самолету и пошла на сближение. Белое облачко вспучилось в небе, и дымный след исчез. Покупатели уставились на самолет. Уорден напряженно стиснул пальцы рук за спиной. Наконец с самолетом что-то произошло. Он как будто потерял устойчивость, затем стал заваливаться на крыло, выровнялся, но потом все быстрее и быстрее стал терять высоту. Даже самые маленькие из пассажирских лайнеров не могут планировать. Самолет врезался в воду крылом и развалился на части, подняв огромный фонтан.

– Ну как, Али, нравится тебе эта игрушка? – спросил покупатель своего арабского друга.

Глаза араба горели огнем восхищения. Он повернулся к продавцам и заговорил с сильным акцентом.

– Хорошо, вы нас убедили. – Он открыл багажник своей машины, там стояли пять плотно набитых баулов, застегнутых на «молнию». – Вот ваш задаток, как и договаривались, пятьдесят миллионов американских дол-ларов. Оставшиеся четыреста пятьдесят миллионов мы перечислим на ваш счет в течение двух часов.

Уорден и Кейн вынимали баулы по одному и расстегивали. Купюры были неновыми, что тоже оговаривалось заранее...

Восточное побережье Аргентины. Авиадиспетчерская города Пуэрто-Мадрин

Старший смены стоял, вцепившись побелевшими пальцами в спинку стула за спиной диспетчера. Сделать ничего было нельзя, да и происходило все очень быстро.

– Отказ обоих двигателей... – Неслось из динамика с борта самолета компании «Лейд», следующего рейсом на Баия-Бланку, – автозапуск невозможен... вышло из строя электропитание... – Затем тишина, и сигнал пропал с экрана радара...

Москва. Кардиологический центр

Профессор Пчелинцев вздохнул, нажал кнопку пульта и выключил телевизор. Отвык он от безделья, а работать над книгой ему запретили. В институте запускаются две новые программы исследований, заместитель по науке улетел в отпуск, а руководителя НИИ скрутило так, что «Скорую» пришлось вызывать прямо в рабочий кабинет. Пошаливать стало сердечко, бастует против такого напряженного ритма работы. В дверь вежливо постучали, и в палату вошла медсестра Юля.

– Федор Петрович, к вам посетитель. Только недолго, и о делах не говорить, а то я пожалуюсь, – с напускной строгостью выдала медсестра и покраснела.

– Так просите, Юленька, просите, – оживился профессор. Наверное, из института кто-нибудь.

Медсестра окинула взглядом палату, убедилась, что всюду царит порядок, и вышла. За дверью некоторое время шушукались, затем отворилась дверь и вошел высокий мужчина в наброшенном на плечи белом халате.

– Ба! Серега, – воскликнул профессор, – вот кого не ждал!

– Здорово, Федька! – Посетитель широко улыбнулся и пожал протянутую руку. – Целоваться не будем – у тебя тут все стерильное, а я септический. Ты чего разболелся-то?

– Ну, здоровяком в отличие от тебя я никогда и не был. Это ты у нас спортсмен. Давай двигай стул, садись.

– Ладно, помню я тебя, «хворого», и на дискотеках, и в стройотрядах. Как ты? – Посетитель уселся на стул верхом и сложил руки на спинке перед собой.

– Как видишь. Сердечко вот прихватило, но сдается мне, генерал, что ты не о здоровье моем пришел справиться.

– Каюсь! Есть корысть. Ты уж не обессудь, но мне твоя консультация нужна, Федор Петрович, как крупного ученого-физика.

– Не подлизывайся. С чем пришел?

– Проблема у нас вырисовывается чисто физического характера.

– А своих спецов в вашем ведомстве не хватает?

– Хватает и своих, но ты же понимаешь, что быстро ответить на мои вопросы может только человек, который постоянно погружен в данную научную проблему. – Посетитель, которого профессор назвал генералом, положил подбородок на руки и продолжил задумчиво: – Скажи мне, Федя, можно создать оружие, которое излучало бы определенное поле и выводило из строя электронику на вражеской боевой технике?

– Та-ак, час от часу не легче, – удивился профессор. Поправив подушку, он принял полусидячее положение. – Приходит ко мне друг студенческой поры, с которым я не виделся лет пять, и предлагает вместе с ним спасти мир. Как бы мне, настоящему физику, объяснить все это тебе, бывшему историку...

– Желательно просто и доходчиво, – терпеливо ответил генерал.

– Тогда начнем с волновой теории и теории поля...

– Федька, в глаз получишь!

– Больных, Сергей Кондратьевич, бить нельзя. Их беречь надо, они еще пригодятся. Ладно, отвечу просто. И да и нет.

– Проще некуда! Я сейчас должен тебя поблагодарить и успокоенным откланяться?

– Видишь ли, Сережа, – почесал грудь профессор, – создать такой источник можно; можно его в лабораторных условиях поднести к электронному оборудованию, и он даст сбой. В виде оружия? – Профессор пожал плечами. – Этот источник ведь нужно как-то доставить до цели, причем непосредственно. Создать такой мощный источник, который бы поражал вражескую технику на расстоянии? Я не сталкивался с разработками в этой области, которые хотя бы в первом приближении решали эту проблему. Скорее всего – пока нельзя.

– То есть ты хочешь сказать, что генератор излучения или поля создать можно, но воздействовать он будет на электронику, если его поднести к ней непосредственно. А на расстоянии нескольких метров, сотен метров?

– Пока это область фантастики.

– Ты уверен на сто процентов?

– Ну ты даешь, Сережа! Пусть будет на девяносто. А вы что, вышли на какого-то подпольного гения или на мощный закрытый специализированный институт?

– Пока не знаю, Федя, но лучше бы ты был уверен на сто процентов, а лучше – на сто десять...

США. Сент-Луис, Научно-исследовательский центр микроэлектроники и точной механики корпорации «Спешал Микро Технолоджис»

Припарковав машину на тенистой площадке перед стеклянным фасадом главного лабораторного корпуса, Дональд Морли выключил зажигание. Хотя он и отмахал за сегодня чetyреста с лишним миль, но выходить из машины не хотелось. Сказывались усталость и недосыпание последних дней. Подумав немного, Морли вынул из кобуры под левой рукой пистолет

и бросил его в перчаточный ящик. Пускаться в объяснения, когда зазвенит звонок металлодетектора, не стоило. Лишний раз всем вокруг докладывать, что он офицер ЦРУ, в его планы не входило.

Сработали фотоэлементы, и створки дверей неслышно разъехались в стороны, впустив Морли в прохладу обширного вестибюля. Выложив на столик ключи, зажигалку, мобильный телефон и сняв с руки часы с металлическим браслетом, Дональд прошел под внимательным взглядом охранника через рамку металлодетектора. Охранник вежливо кивнул и указал рукой на стойку секретарской службы. Собрав свое имущество и надевая на ходу часы, Дональд двинулся в глубь вестибюля. За стойкой он увидел миловидную девушку с дежурной улыбкой на лице.

– Я могу вам помочь, сэр?

– Я – Дональд Морли, мне назначена встреча с доктором Брокман.

Девушка склонилась над компьютером, защелкали клавиши.

– Доктор Брокман ждет вас, мистер Морли. Прошу вас подняться на лифте на четвертый этаж. Лаборатория номер восемь. Только, прошу прощения, сэр, вы пришли на десять минут раньше. У доктора Брокман сейчас корреспондент из «Калифорнийского научного обозрения». Вам придется немного подождать в холле. Вас пригласят.

– Благодарю вас. – Морли повернулся в сторону лифта, но что-то ему не понравилось в этой ситуации, и он остановился. Он ведь тоже, когда договаривался о встрече, представился журналистом научного журнала. Что-то корреспондент косяком повалил! – Простите, мисс, а кто сейчас у доктора Брокман? Я ведь тоже журналист. Кто мой конкурент?

– Секунду. – Девушка уткнулась в свои учетные записи. – Генри Джонсон.

– Как? – стараясь не переигрывать, воскликнул Морли. – Этот дохляк из Калифорнии меня опередил!

– Что вы, сэр, – на мордашке девушки проявился плотоядный интерес, – мистер Джонсон не дохляк, у него такие мускулы!

«Вот так, – подумал Морли, шагая к лифту, – хочешь скрыть свои намерения, назовись Джонсоном. Журналист с мускулами – это интересно. Хотя, если он перешел в научное обозрение из спортивных обозревателей... Широкие, однако, познания у этого журналиста... или не журналиста».

Скоростной лифт мягко и бесшумно вознесся на четвертый этаж. Морли вышел в холл и сразу ощутил пьянящую ностальгическую среду научного учреждения. Столько лет прошло, но по Кембриджу Дональд периодически тосковал. Открывались и закрывались двери, сновали люди в халатах, кто с бумагами, кто с приборами. Никто из них не обращал внимания на Морли, и это его устраивало. Сюда его привела проблема международного терроризма, и связана она была с каким-то физическим изобретением. Кое-какие намеки и следы вели в этот научный центр, и одновременное посещение лаборатории сразу двумя посторонними людьми наводило на размышления. Возможно, это и совпадение, но интуиция зудела где-то глубоко в мозгу, что это не так. Может быть, это сотрудник ФБР со своей наскоро придуманной легендой, или Пентагон, или...

Морли решил отказаться от своей продуманной ранее линии поведения и действовать активно. Оглянувшись по сторонам, он нашел взглядом туалет. Для начала необходимо было перестать выглядеть чужаком и стоять столбом, привлекая возможное внимание. Морли быстрым шагом направился к туалету. Войдя, он направился к раковине и старательно и деловито вымыл руки, насвистывая мотив модного шлягера. Тщательно вытер руки бумажным полотенцем, бросил комок в мусорный бачок. Выйдя из туалета, Морли уверенным шагом направился искать лабораторию номер восемь. Дверь с соответствующей табличкой оказалась в конце коридора. Морли по-хозяйски вошел. Перед ним предстала большая комната со столами, заставленными различным оборудованием. В лаборатории кипела научная жизнь. В противо-

положном конце комнаты виднелась еще одна дверь с какой-то табличкой. Это была единственная дверь, не считая той, через которую Морли вошел. Очевидно, что только там и может быть рабочий офис доктора Сюзан Брокман. Через матовое стекло перегородки Морли не видел происходящего, но чувство тревоги нарастало. Бодрым шагом, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не нарываться на вопросительные взгляды, а тем более вопросы, он подошел к двери. Стучать или не стучать? Нет, тот образ несколько нахального и самоуверенного журналиста, который он только что себе придумал, требовал бесцеремонности.

Морли распахнул дверь и шагнул в кабинет. Он узнал его сразу, даже со спины. Узнал, наверное, потому, что чего-то подобного и ожидал. Это был капитан Кингсли Уормсер, бывший коллега Морли. Пять лет назад он с треском вылетел из ЦРУ из-за подозрений в соучастии в торговле оружием в Ираке. Доказать ничего не удалось или не стали доказывать под давлением высоких покровителей. Иначе сидеть бы ему в тюрьме лет двадцать. Скандала избежать не удалось, а где-то через год Уормсер исчез из поля зрения. Когда-то он был экспертом именно в области вооружения, и именно высокоточного и высокотехнологичного. Как-то прошел слух, что Кингсли связался с террористами исламского толка, но это осталось только слухом. Доктор Брокман смотрела на вошедшего удивленно и с нарастающим негодованием. Что действительно за безобразие – ввалиться без приглашения, прервать беседу... Но того, что произошло дальше, ни доктор Брокман, ни сотрудники ее лаборатории не видели ни разу.

Когда Морли понял, что Кингсли видит его в отражении стеклянных дверей книжного шкафа, было уже поздно, он потерял несколько драгоценных секунд. Уормсер вежливо улыбнулся своей собеседнице и поднялся со стула не оборачиваясь.

– Благодарю вас, мэм, но я очень спешу. Если позволите, то мы продолжим нашу беседу позже, – вежливо бормотал журналист из Калифорнии, его наивные глаза перебежали от отражения в стекле к удивленному лицу доктора Брокман.

Одно неуловимое движение, и Уормсер оказался рядом с Морли. Только опыт и хорошая реакция спасли Дональда. Страшный удар с разворота в грудную клетку в область сердца не достиг цели. На какую-то долю секунды раньше Морли успел просчитать действия противника и попытался уйти в сторону. Кулак Уормсера скользнул по торсу Дональда так, что по комнате разлетелись пуговицы от рубашки. Морли, предвидя последующий удар ногой в голову, нырнул в сторону, споткнулся и почти упал на небольшой лабораторный столик на колесиках.

«Взрастили мы себе противника, – думал Морли, падая на столик, когда ботинок Уормсера со свистом прошел в дюйме от его виска. – Как он быстро прокрутил ситуацию! Узнал меня, понял, что я здесь не случайно, и, связав все последние события, понял, что я у него на хвосте, что я иду по следу, и иду верно. Наверняка успел оценить Уормсер и тот объем информации, который нам известен. Значит, сделка с продажей импульсных ракет не пойдет до конца, значит, это террористы, и платить они не собираются. Они послали Уормсера, чтобы тот по цепочке вышел на научных разработчиков и ликвидировал их. Но он пошел по ложному следу – или еще не понял?»

Рука Уормсера скользнула под пиджак, и Морли не стал испытывать судьбу. Что было сил он катнул лабораторный столик в ноги своему противнику. Расстояние было слишком маленьким, и Уормсер не успел отскочить, да и стулья, стоящие вдоль стеклянной перегородки, помешали ему. Столик врезал ему по коленям в то мгновение, когда он выхватил из-за пояса пистолет. Потеряв равновесие и скрипнув зубами от боли, Уормсер на какой-то миг оперся обеими руками о столик. В том числе и той рукой, в которой был пистолет. Морли понял, что это его единственный шанс. Нога Дональда ударила в кисть правой руки с такой силой, что пистолет вылетел из нее и ударился в стекло перегородки. Стекло звонко треснуло. В лаборатории послышались тревожные крики и топот множества ног. «Попался, дружок, – подумал Морли, – сейчас ты запаникуешь!» Прыгать за пистолетом он не стал, зная, что Уормсер его перехватит в прыжке. Но и тот в свою очередь успел оценить ситуацию.

– Вызывайте охрану, – выпалил Морли, принимая боевую стойку, – это террорист! Я офицер ЦРУ Морли!

Доктор Брокман с выпученными от страха глазами вжалась спиной в книжный шкаф и пребывала в ступоре. Должна быть у нее кнопка экстренного вызова охраны, обязательно должна.

– Жмите кнопку, мэм! – заорал Морли в тот момент, когда Уормсер, хладнокровно дождавшись момента наибольшего скопления людей перед кабинетом снаружи, уже готовых ворваться внутрь, ударил всем телом в дверь. Скорость его движений была ошеломляющей.

Дверь с треском распахнулась, полетело разбитое стекло и несколько тел, опрокинутых ударом. Морли метнулся в угол и схватил пистолет. Взяв его в руку, он сразу понял, как его удалось пронести в здание. Оружие было сделано из специальной керамики, так что ни один металлодетектор его не обнаруживал. Стоила такая игрушка как Бруклинский мост. Морли бросился из кабинета, уловив краем глаза, что Брокман что-то нашаривает под крышкой стола. Дай бог, чтобы тревожную кнопку! Уормсер пронесся по лаборатории как смерч, расшвыривая ученых и мебель. Вот выскочил в холл и захлопнул за собой входную дверь. Опыт подсказывал Морли, что бывший офицер ЦРУ мало походит на загнанную лань, которая удирает сломя голову. Вполне может быть, что Уормсер стоит за дверью и ждет своего противника. Нет уж, не на того напал, коллега. Морли схватил ближайший лабораторный стол на колесиках и с разгона врезал им в дверь. Дверь распахнулась так, что треснули наличники и косяк. Ботинок Уормсера мелькнул в лифте.

Морли на секунду остановил себя около закрывшихся створок лифта. Первая мысль была, что Уормсер все-таки запаниковал. Нет, он все рассчитал гениально, потому что интуитивно. Он на скоростном лифте первым и без оружия спустится в вестибюль и начнет кричать про террориста, а я спущусь вторым и с оружием. Пока я буду доказывать свою принадлежность к ЦРУ, меня пристрелят, а он скроется. Вот гад!

Морли сжал зубы и бросился вниз по лестнице, перескакивая через перила, навстречу судьбе. Уормсер не стал испытывать свою, когда, выходя из лифта, услышал лошадиный топот по лестнице. Один охранник стоял наготове с рукой на кобуре, второй уже двигался к лифту. Уормсер выскочил из лифта с криком: «Наверху вооруженный террорист» и ткнул пальцем в сторону лестницы. Переключив внимание охранников, он молниеносно оглушил ближайшего и бросился на второго.

Избалованные спокойной жизнью и расслабленные обилием пива после суточных дежурств охранники не представляли серьезной угрозы в ближнем бою. Уормсер скрутил бывшего полицейского за одну секунду и выхватил из его кобуры пистолет. По специфическому шуму в вестибюле и девичьему визгу Морли понял, что он катастрофически опаздывает. Передернув на бегу затвор, Дональд выскочил в вестибюль и сразу метнулся влево, чтобы иметь как можно больше пространства за спиной для маневра. Рука Уормсера уже извлекла пистолет из кобуры охранника, патрон был загнан в патронник. Еще секунда, и пуля полетит в Морли. Охранник закрывал своим телом почти всего противника, кроме головы. Но убивать Уормсера нельзя ни в коем случае. Остается одно: стрелять в голову так, чтобы нанести серьезное ранение с обильным кровотечением, но не смертельное. Значит, вскользь по лицу. Морли сделал еще один шаг в сторону и выстрелил. То ли у охранника нервы сдали, то ли он понял, кто здесь террорист, и решил помочь, но трепыхнулся он очень не вовремя. Морли понял это по тому, как Уормсер схватился за горло и мешком повалился на пол.

Охранник отскочил к стене и тяжело дышал. Уормсер лежал лицом вниз. Из разорванной пулей аорты хлестала кровь. Выходное пулевое отверстие на шее изобиловало торчащими осколками разбитых шейных позвонков. «Святые угодники, – простонал про себя Дональд, – вот это я попал!» Но теперь придется завершать весь этот цирк. Морли вытащил из пистолета

магазин и швырнул его под ноги охраннику, затем затвором выбросил патрон из ствола и бросил ему же и пистолет.

– Вызывайте полицию, срочно! – заорал он на охранника, снимая и бросая на пол пиджак. Полиция очень не любит, когда на подозреваемом много одежды, в которой он может спрятать целый арсенал огнестрельного оружия. А тут еще и зрелище лужи крови размером с озеро Уиннипесоки, что на родине Морли в Нью-Гэмпшире. – Я капитан Дональд Морли, ЦРУ.

– Шеф, я не уверен, что он был один. Они купились, как и я, на «Спешал Микро Технологис». Если они не дураки, то поняли, что потеряли своего человека, и не повезут изделие и документацию самолетом или машиной. Я бы на их месте спрятал покупку в морской груз и не спеша отправил бы океаном. Тихо и надежно. Дайте добро на вылет в Аргентину.

– Дон, ты хороший парень, хоть и наломал дров. Могу тебе сделать подарок в виде названия порта, а с судном тебе придется определяться на месте.

– Шеф, если я туда не попаду сегодня, то игра проиграна. Посадите меня в «Ф-15» и подгоните авианосец в Карибском море в виде промежуточного аэродрома дозаправки.

– Ты нахал, Дон! По-твоему, у нас авианосцы, как тунец, косяками по Атлантике ходят? Но я это уже предусмотрел, дозаправитесь в воздухе. Будь через час в аэропорту. И найди ты эту чертову документацию, хотя бы взгляни на нее. Мы должны знать, насколько это серьезно, а у тебя, Дон, все-таки ученая степень по физике.

Глава 2

Москва. Кабинет заместителя руководителя службы внешней разведки

– Сергей Кондратьевич, к вам полковник Ветров, – прошелестел из аппарата селектора голос помощника.

– Хорошо, – отозвался Виноградов. Сняв очки, он бросил их на аналитическую справку и устало потер глаза. День обещал плавно перейти в ночь, а срочных дел намечалось еще суток на двое. Это не считая аналитики по его направлению, которая должна лечь на стол руководству завтра утром.

– Разрешите. – В кабинет вошел широкий коренастый человек, правая рука Виноградова. Глядя в его постоянно чуть прищуренные глаза, Виноградов ловил себя на мысли, что Ветров, даже беседуя с людьми, продолжал прокручивать в голове оперативную обстановку, анализировать массу фактов. Незаменимый помощник, он всегда все знал, помнил, на все у него был готов ответ или конкретное предложение.

– Заходите, Иван Антонович. Слушаю вас.

– События по «Алмазу шаха» пошли по второму сценарию, и я считаю, что это нам на руку.

– Почему? – Виноградов постарался мысленно отбросить остальные дела и сосредоточиться на проблеме гипотетической импульсной ракеты.

– Во-первых, – как всегда, обстоятельно и логично стал раскладывать информацию Ветров, – сегодня я получил последние данные о принадлежности покупателей. Это не «Аль-Каида», это обычная преступная группировка, которая прикрывается террористической деятельностью.

– Есть факты?

– Да, есть. Это косвенная причастность, но не единичная, а ко всей группе событий. Поэтому я считаю ее не такой уж и косвенной. Это и торговля оружием, как по официальным каналам, но через подставных лиц, так и краденым. Естественно, торговля наркотиками, естественно, не в розницу, – полковник попробовал расшевелить шефа шуткой, – а транспортными объемами. Ну и в довершение всего – пиратство.

– Интересно. Насколько я помню, пиратская среда весьма неоднородна.

– Совершенно верно, Сергей Кондратьевич. Официальные и неофициальные данные, полученные из Международного бюро судоходства, и данные наших аналитиков позволяют разделить всех пиратов на три типа. Это индонезийские повстанцы из провинции Асах и группировки, маскирующиеся под повстанцев. В любом случае это политическое пиратство. Причем выросла организованность нападений. Если в 2002 году пираты нападали с мачете и пистолетами, то теперь у них в арсенале «АК-47» и винтовки «М-16». Другая отслеженная группа – террористы. АйЭмБи считает так же. Удалось вскрыть планы Джемайя Исламах по подготовке терактов против военных кораблей США. Есть основания полагать причастность бывшего главы «Аль-Каиды» в Юго-Восточной Азии к подготовке аналогичных терактов. Есть факты непонятных и немотивированных захватов, которые можно расценивать как тренировочные. Обе перечисленные группы действуют в Юго-Восточной Азии. Это прибрежные воды Индии, Таиланда, Малайзийский пролив, Индонезия, Филиппины, Тайвань. Третья группа не имеет отношения ни к каким религиозным и политическим движениям. Это чистой воды мошенники и уголовные преступники международного масштаба.

– Это что-то новое, – удивился Виноградов.

– Если учесть, что всплеск пиратства начался примерно с 1998 года, то этих отследить сложно. Подтвержденных фактов – два, и приходятся они на 2002 год. Мошенники оперируют в восточном Средиземноморье и на северном и западном побережьях Африки. Они получают грузы, заманивая владельцев очень выгодными фрахтами. Во время следования меняется название судна, судовые документы на груз. Сам груз сбывается через посредников. Повторюсь, что установленных случаев и судов – два, а неустановленных случаев гораздо больше.

– Значит, вы предполагаете, что это афера?

– Подозрительно близко к этим делишкам стоят или подходят по описанию некие Мартин Кэрби, международный аферист крупного масштаба, и бывший офицер спецназа ВМФ США Джонатан Уорден. Судя по всему, есть у них и гений-программист. Афера или продажа реального ноу-хау – пока сказать трудно. Слишком откровенные следы ведут в крупную корпорацию, специализирующуюся на современных технологиях. Негласно открыт и банковский счет для этой сделки – также от имени этой корпорации.

– А если все же это разработка именно корпорации?

– За этим стоит как минимум кто-то из ее сотрудников или бывших сотрудников.

– Например, этот гений-программист?

– Например. Ситуация на сегодняшний день следующая. Вчера нам удалось засечь встречу с продавцом в Аргентине. Думаем, что произошел обмен действующими лабораторными образцами и соответствующей технической документацией.

– Откуда уверенность в существовании лабораторных образцов?

– Необъяснимое крушение рейсового пассажирского самолета авиакомпании «Лейд» над заливом Сан-Матиас.

– Когда?

– Вчера же и в это же время.

– Значит, изделие вот-вот уйдет из страны.

– Сергей Кондратьевич, учитывая ситуацию, я посчитал, что вводить в операцию нашего сотрудника нужно мгновенно... – Ветров несколько замаялся, и это не ускользнуло от внимания шефа.

– Но? – поинтересовался Виноградов.

– Что «но»?

– В вашей фразе сквозит откровенное «но».

– Да, действительно. Но в данный момент и в данном месте мы располагаем только одним нашим сотрудником соответствующей квалификации, которого реально ввести в операцию именно сейчас.

– Да что с вами, Иван Антонович? – нетерпеливо спросил Виноградов. – Когда я требовал от вас согласования по каждому сотруднику в каждой операции?

– Речь идет о Магистре, Сергей Кондратьевич.

– Ах, вот оно что, – сразу сбавил тон Виноградов. Некоторое время он помолчал, подбирая нужные слова, затем очень спокойно и несколько расстроенным голосом продолжил: – Иван Антонович, мы с вами работаем вместе столько лет, и мне не хотелось бы, чтобы именно вы подозревали меня в предвзятом отношении к нашим сотрудникам.

– Простите, Сергей Кондратьевич, я не это имел в виду.

– Понимаю. Магистр – аналитик, работает с агентурой влияния, а здесь нестандартная операция.

– Вот именно, – подтвердил Ветров. – Но Магистр имеет хорошую боевую подготовку, в прекрасной физической форме, хотя недостаточно опыта именно в операциях такого рода. К тому же его задача состоит лишь в том, чтобы проследить канал. А силовую акцию я категорически запретил.

– Хорошо, от меня помощь требуется?

- Требуется. Прикрытие на случай осложнений по схеме «Дельфин».
- Я свяжусь со штабом главкома ВМФ и подключу вас в рабочем порядке...

Аргентина. Грузовой порт Ла-Плата. Борт сухогруза «Хоуп»

Михаил Сергеевич Казаков был, что называется, на взводе. Ему до чертиков надоели эти сборные экипажи, чужие дурацкие флаги над головой, потные наглые рожи всех цветов на таможенных досмотрах. Этот рейс должен быть последним. Пропади он пропадом, этот образ жизни с этим сбродом, с этим страдающим геморроем – оттого и злым на весь мир – капитаном. «Погрузка займет еще часов шесть, – подумал Казаков. – Пойти, что ли, побаловать душу итальянской кухней?» Нарушение, конечно: старпом должен лично присутствовать при погрузке и ни в коем случае не покидать судна...

– Эй, на мостике, – крикнул старпом вахтенному помощнику, – последи тут, я на почту на полчаса смотаюсь.

Вахтенный кивнул. Казаков, старательно делая вид, что не спешит, направился к сходням.

На палубе стояла обычная суета. Скрипели тали, покрикивала матерком погрузочная команда. На берегу ревели моторы раздолбан-ных грузовиков, суетились автопогрузчики, сновали рабочие доков, матросы и еще невесть кто. Старпом поймал за руку пробежавшего боцмана. Недолголюбил он этого бывшего военно-морского сверхсрочника, но порядок есть порядок.

– Хлопко! Я отлучусь на полчаса, мне надо на почту забежать. Ты тут последи за ребятами, особенно когда начнут сетками грузить. Погрузочные у вахтенного.

– Зря, Михаил Сергеевич, капитан узнает – беда. Он и так с утра чернее тучи.

– А ты, Павел Васильевич, постарайся, чтобы он не узнал.

– А, делайте как хотите, – махнул рукой боцман и ушел быстрым шагом занятого человека, отирая на ходу беретом лицо и бритую голову.

Старпом посмотрел со злобой ему вслед – служака, мать твою!

Аргентина. Ла-Плата. Ресторан «Конфесса»

Интерьер оставлял желать лучшего, или Казаков ничего не понимал в итальянской душе. Но готовили здесь на удивление вкусно. И обслуживание было тихим, приятным и каким-то ненавязчиво теплым. Любили здесь посетителя. Под потолком крутились лопасти вентиляторов, гоняя пропахший солью, рыбой и дегтем воздух, поступающий через открытые двери. Денег, что ли, им жалко на кондиционеры, подумал Казаков в первое свое посещение три года назад. Затем понял, что эти вентиляторы, рыбацкие сети, чучела диковинных рыб, гарпуны, открытые настежь двери и настоящие каменные полы – все навевало ностальгию по пятидесятым годам, по старому порту, по юности с ее мечтами, фантазиями, ошибками и простым рыбацким счастьем. Может, хозяин ресторанчика – один из итальянских эмигрантов. А может, просто поработал талантливый аргентинский дизайнер.

Казаков снял фуражку и уселся в любимый уютный уголок. Через зал к нему с улыбкой уже спешила черноволосая девушка в белом переднике...

– О-о! Русский моряк, – послышалось рядом. Казаков поднял голову. Перед ним стоял колоритный толстяк в цветастой рубашке и с красным платком, завязанным так, что узел красовался над правым ухом. Возникли ассоциации с добродушным пиратом.

– Простите? – оторвался от еды Казаков, вытирая рот салфеткой. Этого лица он не припоминал.

– Сеньор офицер меня не знает, но я люблю русских моряков! Вы позволите угостить вас пивом?

– Да, ради бога, присаживайтесь, – раз-решил Казаков. Толстяк располагал к себе. – Только угостите меня кофе – я на службе. За что же вы нас любите? Служили на русском флоте?

– Нет-нет! – Восторженно сияющий толстяк уселся на свободный стул и сцепил пальцы перед собой в замок, как будто в попытке сдержать нахлынувшие чувства. – Я много читал и в детстве и в юности. Я и сейчас люблю читать, но времени не хватает. Я рыбак и в море провожу большую часть своей жизни, а в море не считаешь, в море надо много работать, чтобы семья была обеспечена.

«Врет», – убежденно подумал Казаков. Он с первого взгляда на руки толстяка понял, что физической работы они отродясь не видели, да и лицо его ежедневно не обдувается морским ветром и не окатывается солеными брызгами. Но толстяк нравился – очень он уж был каким-то лучезарным. Пусть врет чудак, если ему так хочется.

– Я много читал про ваших полярных исследователей, про военных моряков. Я читал даже Александра Зеленого, – благоговейно вознес свои ручки толстяк.

– Даже? – удивился старпом. – Не слышал о Зеленом.

– Ну как же, – огорчился толстяк, – «Алые паруса».

Казаков расхохотался, так что стали оборачиваться немногочисленные посетители. Настроение его заметно улучшилось. Он почувствовал себя легко и уверенно.

– Александр Грин, – просмеявшись, сказал он по-русски.

– Да-да! Александр Зеленый. Но, простите, я не представился. Меня зовут дон Мигель. А лучше просто – Мигель. Для русского моряка я просто Мигель! А вас как зовут?

– Для вас, Мигель, я просто Михаил, – развел руками Казаков.

– Михаил? – попытался выговорить толстяк. – Так вы тоже Мигель! Нет, это нужно отметить. – Толстяк обернулся, чтобы подозвать официантку.

Через два столика от подружившихся Мигелей сидела компания, поедавшая спагетти с сыром и острым соусом. Двое были скорее всего итальянцами, а третий – метис-патагонец. Казаков давно научился безошибочно определять национальность людей. Вся троица была неопрятно одета и вид имела угрюмый. Даже макароны они поедали с каким-то остервенением. Как будто год не ели нормальной пищи.

Когда шустрая улыбчивая официантка проходила мимо столика этой неприятной троицы, один из итальянцев грубо схватил ее за подол юбки и бесстыдно его задрал, обнажив беленькие трусики. За столиком заржали. Девушка взвизгнула и ударила итальянца по руке пустым подносом. Тот выругался, вскочил и схватил ее за руку. Дона Мигеля как ветром сдуло. Он мгновенно подскочил к компании и отпихнул нахала от девушки. Итальянец разразился ругательст-вами, лицо его перекошилось от злобы. Волосатый кулак просвистел в воздухе, но толстяк оказался на редкость шустрым малым. Он увернулся от страшного удара и, нагнувшись как бычок, врезал обидчику головой в живот. Итальянец опрокинулся на стол, сметая с него посуду и роняя стулья. В полете он сбил с ног и придавил своего дружка-патагонца.

Это было уже не смешно. Старпом, действуя слишком эмоционально и не думая о последствиях, бросился к этой свалке разнимать драку и спасать дона Мигеля. То, что из толстяка сделают отбивную, он не сомневался. Посетители быстро покидали ресторанчик, официантка исчезла в подсобном помещении, и оттуда уже выглядывали перепуганные лица поваров.

Казаков подскочил в то мгновение, когда второй итальянец выбрался из-за стола и бросился на торжествующего толстяка. Старпом схватил его за руку, намереваясь уговорить успокоиться, но итальянец не раздумывая ударил его кулаком. Михаилу Сергеевичу было не впервой участвовать в драках. Еще учась в мореходном училище, он с курсантами частенько схлестывался на танцах с «индустриками» – учащимися индустриального техникума. Да и в

портах, как своих, так и заграничных, за два десятка лет плаваний случалось всякое. Особенно по молодости.

Старпом успел все же увернуться, и удар, нацеленный ему в лицо, попал в плечо. Казаков пошатнулся и выпустил руку итальянца. Тот сразу же рванулся на толстяка, но старпом подцепил его ногу своим ботинком. Итальянец, не ожидавший такого подвоха, грохнулся всем телом на пол. Вот так, не поворачиваясь к противнику спиной! Разъяренный заводила выбрался наконец из груды обломков, и в его руке сверкнул большой складной нож. Казакову вспомнилось испанское название – наваха. Видывал он такие в мексиканских портах. Старпом не стал испытывать судьбу и, пока была возможность, перехватил руку с ножом, а свободной рукой схватил со стола большую кофейную чашку за доньшко и вдребезги разбил ее о лицо итальянца. Он ощутил, как хрустнули под его рукой переносица и передние зубы. Итальянец взвыл и, схватившись за лицо, осел на пол, обливаясь кровью. Грубо, но когда на тебя лезет с ножом озверелый кретин, который моложе тебя лет на десять и здоровее, то выбирать средства не приходится.

Упавший после подножки итальянец поймал-таки толстяка за ногу, и оба они теперь катались по каменному полу в объездах. Казаков намеревался было схватить противника за шиворот и оторвать от дона Мигеля, но сбоку возник патагонец, который был на голову выше старпома. Не раздумывая, Михаил Сергеевич схватил тяжелый, стилизованный под старину стул и обрушил его на голову индейца. Тот с грохотом исчез за столом. Пора было прекращать развлечение и сматываться из ресторана. Старпом помнил о том, что он ушел с сухогруза без разрешения и во время погрузки. Если попадешь в полицию, то неприятностей не оберешься. Казаков не стал отдирать итальянца от толстяка. Он просто пнул его носком ботинка по печени, а когда бедолага с хрипом согнулся пополам, Казаков нагнулся и, ухватив за сальные грязные волосы, что есть силы треснул лицом об пол.

Толстяк в разодранной рубашке довольно шустро выкарабкался из-под обмякшего итальянца и поволок старпома через служебное помещение ресторана на улицу. Вид у дона Мигеля был геройский.

Аргентина. Грузовой порт Ла-Плата. Борт сухогруза «Хоуп»

– Какого черта вы бросили погрузку! Какого черта вы ввязались в пьяную драку! – Капитан метался по каюте и то и дело хватался за голову.

– Да что с ней случится, с погрузкой, Иван Захарович? Груз простой, документы в порядке. Я всего-то хотел отлучиться на полчаса, предупредил вахтенного, боцмана. Вы себя плохо чувствовали, и я не стал вас беспокоить.

– Я с ума сойду от этого бедлама, – простонал капитан и, сморщившись, боком устроился в своем кресле. – Зачем вас, Михаил Сергеевич, понесло на Виа-дель-Мара? Вы что, не знаете, какой это район? И зачем было ввязываться в драку? Какое вам дело до местных нравов, могли бы просто уйти. Тыщу лет вы их не видели, этих аборигенов, и еще тыщу лет не увидите. Рыцарь вы хренов! И так на судне один сброд, так я еще и старпомов должен из полиции вызволять.

– Просто я люблю итальянскую кухню, Иван Захарович, – отрешенно глядя в окно, ответил Казаков, напоминая себе, что этот рейс для него будет последним.

– Иди заканчивай погрузку, гурман, – с чувством, как ругательство, произнес капитан и махнул рукой.

Капитан остался один. Поставив локти на стол, он оперся лбом о сжатые кулаки и закрыл глаза. Не нравился ему этот рейс. Что-то было не так, как-то было на душе беспокойно, как будто чувствовал старый морской волк, что это не последние неприятности. И они не заставили себя долго ждать. Зазвонил внутренний телефон. Иван Захарович уставился на аппарат. Если в порту во время погрузки по-надобился капитан, то это не сулит ничего хорошего. Вообще,

если на корабле все идет так, как надо, то капитану и вмешиваться-то в процесс не нужно. Капитан нужен для принятия решений в нестандартных ситуациях и для контроля. Да еще свою вахту отстоять. А вот если требуется вмешательство капитана, то это ЧП.

– Слушаю, – отозвался капитан в трубку.

– Иван Захарович, – послышался расстроенный голос вахтенного помощника, который уже получил свою порцию взбучки на сегодня, – из города звонили. Каневская за-купала медикаменты для пополнения, и ей прямо там стало плохо. Грешат на малярию с каким-то аллергическим шоком. Ее в больницу отвезли.

– Твою мать! – не сдержался капитан. – Вызови ко мне второго помощника, срочно!

– Есть, второго помощника!

Что же за рейс такой! Утром уходить, а он остался без судового врача... Бывает, что и ничего страшного. Ходил он и без судового врача. Все люди взрослые, опытные, сами знают, какую таблетку когда выпить да как порезанный палец перевязать. Но тут что-то не хотелось рисковать. Бывает такое, что и операции надо делать, и жизни спасать. Нет, все правильно, надо срочно замену нанимать в порту. Размышления прервал молодцеватый второй помощник, энергичный и дотошный парень. Вот из кого хорошие старпомы получаются, а затем и капитаны.

– Ты в курсе, Коля, что с Екатериной Ивановной приключилось?

– В курсе, Иван Захарович, я как раз в рубке был, когда сообщение пришло. Замена нужна.

– Нужна, Коля, нужна.

– Так я съезжу в город. У них здесь клиника новая открылась недавно. Может, кого из наших специалистов командируют, или хотя бы со знанием русского языка.

– Ну, давай. Там на месте разберешься. Только в больницу к Катерине заскочи. Завезешь ее документы, денег оставь. Ну и вообще узнай, как дела, приободри. От меня привет передай. Пусть выздоравливает.

Второй помощник пропустил в каюту высокую молодую женщину и прикрыл за собой дверь.

– Разрешите представить, Иван Захарович, – Нина Боллард, врач с университетским дипломом. Клиника не возражает.

Женщина выглядела, мягко говоря, не очень. Впрочем, капитан Нестеров уже привык к не-ухоженному внешнему виду иностранок. Это в России женщины уделяют максимум внимания своей внешности, а в других странах, что в Европе, что в обеих Америках, женщины одеваются исключительно исходя из удобства, за прическами не следят, ногти до половины зарастают кутикулой. Дело даже не в том, что косметические салоны – дорогое удовольствие, в России женщины и сами себе маникюр прекрасно делают, – а в том, что западные женщины самодостаточны. Ей так удобно, ее своя внешность устраивает. Не тратят они времени на это... На Нине были какие-то абсолютно идиотские бесформенные светлые штаны, которые и брюками-то не назовешь; великоватая мятая футболка, на плечи был наброшен неопределенного цвета свитер. Нечесанные светлые волосы завязаны сзади хвостиком. Удивительно голубые большие глаза смотрели на русского капитана строго и как-то укоризненно. У Нестерова появилось впечатление, что он своими действиями уже нарушил санитарные правила или что-то еще на судне. «Ну и чучело», – подумал капитан.

– Прошу вас, мисс Боллард, – вставая, пригласил Нестеров по-английски врача сесть и протянул ей руку.

– Благодарю, капитан, но можно по-русски, – сухо ответила мисс Боллард и пожала руку крепко, по-деловому. «Вот такими рукопожатиями они тоже отличаются от наших, – подумал капитан. – Наши подают пальчики, а эта жмет руку, как прораб на стройке». С некоторым

удивлением Иван Захарович отметил, что ноготочки у доктора отнюдь не запущенные, а холеные, хотя и без лака.

– Откуда вы знаете русский, мисс? – начал знакомство Нестеров. – Расскажите немного о себе.

– Я американка, родилась в США. Мать русская. Диплом получила в Калифорнии. Общая терапия, затем дополнительно квалификация по физиотерапии, травматологии. Работаю в Лос-Анджелесе, в специализированном медицинском центре, занимаюсь клиническими испытаниями медицинского оборудования. В Ла-Плату направлена для консультации в связи с поставкой партии медицинского оборудования.

По-русски она говорила чисто, иностранку выдавала лишь артикуляция человека, привыкшего с детства говорить по-английски.

– Замечательно, мисс Боллард, – кивнул головой капитан. – Вас ознакомили с условиями?

– Да, конечно, капитан. Меня все устраивает, к тому же через две недели я в отпуске и все равно собиралась лететь в Европу. А на грузовом корабле – это даже интересно.

– Тогда я вас больше не задерживаю, мисс Боллард. Потрудитесь до двадцати ноль-ноль прибыть на судно с личными вещами. Вахтенный помощник будет предупрежден и покажет вашу каюту и медицинский пункт. – Нестеров встал, врач поднялась следом, протянула капитану руку:

– Во внеслужебной обстановке можно просто Нина. Кстати, я захвачу для вас современное очень эффективное средство от геморроя – свечи для анального применения.

Капитан поперхнулся от неожиданности и кинул короткий взгляд на второго помощника. Тот сочувственно развел руками – американская прагматичность, никакого чувства такта.

Глава 3

Аргентина. Грузовой порт Ла-Плата. Борт сухогруза «Хоуп»

Плечистый лоцман протопал по трапу и ступил на борт. Пожав руку встречающему его вахтенному помощнику капитана, он подмигнул, вытащил изо рта прямую английскую трубку и отдал честь сингапурскому флагу «Хоупа». Океан был спокоен, день обещал быть тихим и погожим. Чуть меньше четырех тысяч миль отделяло судно от порта Уолфиш-Бей на африканском побережье. Всего несколько дней, и прибрежные песчаные дюны приветственно помашут редкими пальмами. Буксир-кантовщик развернул сухогруз и наконец отвалил. Теперь судно медленно выбиралось на рейд на своих двигателях.

Капитан Нестеров уходил из порта с некоторым облегчением. Какая-то непонятная черная полоса осталась позади. Все проблемы, кажется, решены и остались там, на темном пирсе. То, что настроение улучшилось, было и заслугой судового врача. Привезенные ею свечи позволили провести спокойную ночь и хорошо отдохнуть. Ночная вахта прошла без происшествий. Впереди соленый ветер и чистый воздух океана.

– Иван Захарович, слева по борту полицейский катер, – раздался встревоженный голос вахтенного.

Капитан оглянулся на огни, которые нагоняли «Хоуп», и понял, что неприятности еще не все позади. Полицейский катер мог означать что угодно – от истории со старпомом до попавшей на борт контрабанды. Лоцман тоже хмуро глядел на приближающийся катер, посасывая пустую трубку. Неожиданно раздался зуммер. Вахтенный поднял трубку, представился. Через некоторое время опустил трубку и доложил удивленно и расстроено:

– Иван Захарович, вас управление порта.

Нестеров взял трубку.

– Капитан Нестеров, – произнес он угрюмо.

– Капитан, с вами будет говорить управляющий сеньор Альсидес, – проверещал заспанный женский голос.

Час от часу не легче! И это в половине пятого утра.

– Капитан Нестеров, доброе утро. Надеюсь, что не разбудил вас? – раздался в трубке сочный баритон.

– Доброе утро, сеньор Альсидес. Капитан обязан быть на мостике, когда его судно совершает сложные маневры, – ответил Нестеров, стараясь, чтобы его голос не звучал откровенно раздраженно.

– Да-да, конечно. У меня к вам очень большая личная просьба, капитан. Я прошу вас взять на борт одного пассажира. Это американский ученый, и ему необходимо попасть на африканское побережье вместе с частью вашего груза. Он специалист по тому оборудованию, которое вы везете для южноафриканских компаний.

– Как вы себе это представляете? – Нестеров абсолютно не понял смысла всей этой затеи, но от сердца отлегло. – Он что, не может самолетом долететь? Ждал бы нас в порту прибытия.

– Вы не понимаете, капитан Нестеров, – продолжал управляющий с настойчивой любезностью, – он в некотором роде отвечает за приборы, которые вы везете.

Иван Захарович некоторое время удивленно смотрел на трубку в своей руке, как будто она была виновата в том, что на том конце несут такую откровенную чушь.

– Я упущу отлив и застряну здесь на сутки. Как я, по-вашему, буду объясняться с судовладельцем из-за такого простоя?

– Не беспокойтесь, капитан Нестеров, все изменения в судовые документы мы внесем в течение часа. Все необходимые сотрудники уже вызваны. И еще... – Голос управляющего стал зловеще-вкрадчивым. – Меня просили помочь в этом деле очень влиятельные в нашей стране люди. Хочу вас предупредить, что один из тех людей, с которыми так нехорошо познакомился ваш старший помощник в ресторане, умер ночью в больнице от телесных повреждений. Но я, капитан Нестеров, очень постараюсь замазать это дело и оставить его без последствий для вас и вашего экипажа. Но и вы уж пойдите мне навстречу.

Нестеров очень аккуратно повесил трубку и, качая головой из стороны в сторону, как белый медведь в жару в зоопарке, выдал такую соленую морскую тираду по-русски, что даже лоцман, который не понял ни слова, но уловил суть, уважительно улыбнулся.

– Принять катер! – рявкнул Нестеров и направился к трапу.

Молодой человек лет тридцати с небольшим с виноватой улыбкой ступил на борт. Нестеров стоял набычившись, сцепив пальцы за спиной.

– Извините, сэр, из-за меня вас несколько задержали, – с теплой улыбкой начал пассажир и протянул капитану руку, – я Дональд Морли, инженер...

– Покажите пассажиру каюту и познакомьте с распорядком дня на судне, – процедил капитан сквозь зубы вахтенному и, не подав руки, направился к себе.

Быстрым шагом он спустился в коридор и столкнулся нос к носу с Ниной Боллард. Женщина в тапочках на босу ногу и накинутом прямо на ночную рубашку большом платке стояла у капитана на дороге, и обойти он ее не мог.

– Что случилось, капитан? Мне показалось, что мы остановились. У нас что-то сломалось? – лепетала мисс Боллард, стоя посреди коридора.

– Уже починили, Нина, идите, ради бога, спать, – проворчал Иван Захарович, протискиваясь между судовым врачом и стеной коридора.

Нестеров тяжело вздохнул. Бедлам, а не судно.

Инженер Морли вошел в столовую под руку со вторым помощником капитана. Он рассказывал ему очередную байку про комические приключения на южноафриканских приисках. Коля помирал со смеху, поминутно вытирая ладонью глаза. Парочка двигалась между столов к окну, где завтракали капитан и новый судовой врач. Капитан выслушивал пространный доклад о состоянии медицинского обслуживания команды в рейсе. Вставить слова ему не удавалось. Нина задавала вопросы, сама же на них отвечала. Пускала в ход медицинские термины, спохватывалась и бросалась переводить их на доступный язык. Сначала капитана раздражала манера общения нового судового врача. Но через пять минут он убедился, что Нина успела рассортировать доставленные на борт медикаменты, познакомиться с имеющимся в медпункте оборудованием и медицинскими картами экипажа. Она высказала здравые мысли о статистике травмирования во время рейсов, преобладающих заболеваниях и инфекциях. Девочка, при всей ее внешней несурзности, была толковая и грамотная. Что ж, капитан привык ценить людей по деловым качествам, а манеры он умел и прощать. Мисс Боллард как раз наливала кофе Ивану Захаровичу и себе, когда помощник капитана и инженер подошли к столу.

– Позвольте представить, это наш судовой врач, Нина Боллард. А это инженер Морли, наш единственный пассажир.

Нина, вежливо кивнув гостю, продолжила говорить о медицинских проблемах.

– Присаживайтесь, мистер Морли, – сухо предложил капитан.

– Благодарю вас, – отозвался инженер, не сводя глаз с врача. – Мисс, вы давно служите на этом судне?

– Ох, простите, капитан, – проигнорировала Нина вопрос американца, – у меня же там стерилизатор включен. – Она вскочила, бросила в тарелку салфетку. – Приятного аппетита, господа.

Морли проводил ее долгим взглядом. Капитану это не понравилось. Запал инженер на нее, что ли? Еще не хватало всяких романов в рейсе. Ну и вкусы у парня. Извращенец!

– Интересная леди, – проговорил американец, – я как-то по-другому представлял себе судовых врачей.

– Дон, только не говори, что ты влюбился в нее с первого взгляда, – засмеялся Коля. Капитан хмуро пил кофе и глядел в иллюминатор.

– Что? – Американец как будто вышел из задумчивости. – Прости, Ник, я не понял.

– Ничего. – Коля хлопнул Морли по плечу и продолжил философски: – Не обращай на нее внимания, ибо каждый человек имеет право на ту внешность, которую имеет.

– Ты, Ник, даже не представляешь, как ты прав, – с энтузиазмом согласился инженер, берясь за вилку и нож.

Морли прошелся по палубе и, убедившись, что никто не следит за ним, повернул назад. Быстро сбежав по крутой лестнице, он попал в коридор, куда выходили двери административных помещений. К его большой неожиданности, около медпункта толпилось человек пять членов команды. Поворачивать назад было поздно.

– У нас массовые заболевания? – весело и громко осведомился он. В ответ послышались радостные восклицания и приветствия. Морли постепенно становился любимцем команды. Его бесшабашное веселье, открытость, знание невероятного количества веселых баек из самых разных областей, а также массы карточных фокусов, умение играть на гитаре и хороший голос – все это влекло моряков к нему как магнитом.

– Эй, Дон, тебя тоже вызвали на медосмотр? Нина у нас тут завела порядки, как на военном флоте! – наперебой галдели моряки.

– Ребята, меня это не касается. Предшественница мисс Боллард слегла с какой-то инфекцией, поэтому, естественно, нужно выяснить, не болен ли еще кто из вас. Скажите, никто не видел Макара? У меня что-то с сантехникой – огромная лужа на полу.

– Он здесь, Дон. Подожди, сейчас его отпустят.

Макаром на судне русскоязычная часть команды звала маленького щуплого индуса Макхара. Живой и общительный паренек был мастером на все руки. Кроме того, что он был отличным сварщиком и механиком, Макхар с удовольствием в любое время чинил дверные замки, мебель и многое другое, что требовало починки. Казалось, ему доставляло удовольствие то, что все вокруг работает и находится в исправном состоянии.

Аргентина. Федеральный столичный округ Буэнос-Айрес. Северо-западное шоссе

Дым и пар сносило в сторону, и через некоторое время стал виден почерневший кузов «Форда». В лучах прожекторов пожарные стали выбираться вверх по откосу шоссе. Комиссар Фернандес вздохнул и стал спускаться к обгоревшей машине, за ним молча двинулись невыспавшиеся полицейские эксперты и санитары с носилками и черными пластиковыми мешками для трупов.

Предварительно внимательно осмотрев дверцы машины, полицейские взломали заклинившие дверные замки. По счастью, тела обгорели не очень сильно. Пока эксперты с ними возились, комиссар приказал вскрыть багажник. Ничего примечательного в машине не обнаружилось. Сама машина, как сообщили через тридцать минут из управления полиции, была взята напрокат в местном агентстве итальянским туристом Фредериком Палетти.

– Документы сильно обгорели, комиссар, – доложил уставший инспектор, – но паспорта у обоих, судя по обложкам, итальянские. Один из них в очках. У второго небольшой шрам на правом виске.

– Запросите управление, инспектор, пусть свяжутся с гостиницами Буэнос-Айреса, Ла-Платы, Росарио и Мар-дель-Плата. Если найдут ту, в которой останавливался итальянец Палетти, то пусть сообщат, кто из его соотечественников остановился там же. Если Палетти нигде не зарегистрирован, то пусть сообщат обо всех гражданах Италии, которые зарегистрированы сейчас или за последнюю неделю.

– Хорошо, комиссар. Вы сейчас в управление?

– Нет. Поеду домой и завалюсь хотя бы часа на четыре.

– Постараюсь не беспокоить, комиссар, если только ничего сверхъестественного не обнаружится.

– Постарайтесь, инспектор, постарайтесь, – проворчал комиссар, – а еще постарайтесь представить ситуацию как несчастный случай. Если появится хоть маленький намек на бандитские разборки или выходы зарубежных спецслужб, то житья нам не будет. Отдайте-ка лучше мне документы погибших, так мне будет спокойнее. Пусть личности погибших останутся неустановленными.

– Хорошо, комиссар, прежде чем подшивать бумажку в дело, я сначала поставлю вас в известность...

Комиссар стал взбираться по склону на шоссе. Кажется, дело удастся «спустить в канализацию», как говорили в таких случаях в управлении полиции. Черт бы побрал этого Кэрби! Появится раз в несколько лет, а потом месяцами бессонница мучает и давление скачет. Хорошо хоть не скупится. Одного последнего куша в пятьсот тысяч хватит на то, чтобы безбедно дожить мирным пенсионером отведенные господом годы где-нибудь во Флориде... Маленький особнячок на побережье... Через пять километров от места происшествия комиссар остановился. Выйдя из машины, он подобрал на обочине камень, положил его в пакет с документами итальянцев и швырнул далеко в море.

Атлантика. Борт сухогруза «Хоуп»

– Мистер Дон, у вас здесь все в полном порядке, – раздался удовлетворенный голос из под раковины, – может, вы сами случайно наплескали воды на пол?

– Может, и так, Макар, – согласился Морли, наблюдая, как индус выбирается наружу, – может, и моя вина. Я рад, что здесь все в порядке.

– Тогда я пойду?

– Подожди, Макар, – остановил моряка Морли, взяв его за рукав и заговорщически приблизив к нему лицо. – Ты можешь мне помочь как мужчина мужчине?

– У вас еще что-то сломалось в каюте?

– Нет, дело не в этом, – покачал головой американец и сделал просящие и тоскливые глаза. Морли рассчитывал на симпатию, которую к нему испытывал Макхар, и на мужскую солидарность. Просить кого-то другого о такой услуге он не решался, а наивный паренек подходил для этой роли как нельзя лучше. – Видишь ли, Макар, мне очень нужно поговорить с мисс Боллард, а она избегает меня. Да и в медпункте постоянно кто-то толпится.

– Мисс Нина – очень заботливый и добрый доктор, – очень серьезно согласился Макхар, и Морли понял, что опоздал в вербовке союзников на корабле. – А вы, мистер Дон, влюблены в нее?

– Нет, Макар, дело не в этом, – начал выпутываться из щекотливой ситуации Морли, – ты не думай, я не хочу обидеть доктора. Просто у меня проблемы со здоровьем несколько интим-

ного характера. Мне не хочется говорить при всех, а то ребята будут смеяться и подшучивать надо мной.

– Да, мистер Дон, моряки – народ бесце-ремонный, и шутки их порой грубоватые, – согласился Макхар. Судя по всему, ему в прош-лом доставалось, пока он не заслужил уважение команды как первоклассный специалист. На это Морли и рассчитывал. – Я поговорю с мисс Ниной, что бы она вас вызвала, когда никого не будет.

– Макар, дорогой! Ну зачем же так все усложнять? Да и что она обо мне подумает? Ты просто скажи мне, что она одна в медпункте или на палубе, когда увидишь. И все, а я сам подойду и поделюсь с ней своими проблемами.

– Хорошо, мистер Дон, я скажу вам, когда увижу, – улыбнулся Макхар и вышел из каюты.

– Ну это же пустяки, Макарчик, – махнула ручкой Нина, и сердце маленького индуса замлело – он так любил, когда доктор называ-ла его Макарчиком, – потом как-нибудь почи-нишь.

– Нет, мисс Нина, я лучше закреплю это сейчас, а то ночью, скорее всего, будет шторм, и у вас что-нибудь разобьется нужное, и вы не сможете вовремя оказать кому-нибудь помощь. Нужно все отсюда убрать, чтобы я смог затянуть крепление.

– Ну, если ты так считаешь, то помогай мне, – согласилась Нина и стала подавать меди-каменты и инструмент Макхару.

– Мисс Нина, – начал как-то неуверенно маленький индус, аккуратно укладывая на сто-лик содержимое шкафчика, – я должен вам сказать кое-что про мистера Дона.

– Какого мистера Дона? – равнодушно спросила Нина.

– Инженера, Дона Морли. Он хочет поговорить с вами наедине, но никак не может этого сделать.

– Что это за секреты такие у мистера Морли, – удивилась Нина, – все, кому надо, приходят ко мне на прием. А ты что, в посредники к нему записался?

– Видите ли, мисс Нина, – смущенно стал оправдываться Макхар, – мне просто пока-залось, что мистер Дон был не совсем искре-нен со мной. Я беспокоюсь, что он может вас обидеть.

– А почему ты так беспокоишься за меня? – равнодушно спросила Нина, и это равноду-шие задело маленького индуса. Он даже перестал укладывать медикаменты и заговорил горячо и убежденно:

– Потому что я очень люблю врачей, мисс Нина, я люблю ваших врачей: европейцев, американцев. Я вырос в маленьком городе на юго-востоке Индии и видел, как вы работаете. Когда у нас случались несчастья или болезни, вы приезжали и помогали нам. Вы лечили бес-платно всех, вы заботились о нас так, как будто мы ваши близкие родственники. Я помню, как однажды бандиты убили женщину-доктора, я тогда плакал так, как будто это была моя мать или сестра. Она чем-то была похожа на вас.

Нина некоторое время смотрела на Макхара с теплой улыбкой. «Так вот где лежат корни этой трогательной привязанности к врачу-американке, – подумала она. – Ладно, сослужишь и ты мне службу».

– Спасибо тебе, Макарчик, – ласково поблагодарила Нина и потрепала жесткие, как про-волока, волосы паренька. – Спасибо, что рассказал. Он, наверное, не очень хороший человек, этот мистер Дон, не может же он в меня влюбиться. Я же ведь не красивая? – Нина не удержи-лась от маленькой провокации.

– Что вы говорите, мисс Нина! – захлебнулся от возмущения Макхар. – Вы такая краси-вая, высокая, у вас светлые волосы, белый халат.

– Ты что так раскричался, Макарчик. – Нина с трудом сдерживала смех. – Ладно, краси-вая, но мне этот мистер Дон не нравится. А чтобы он ко мне не приставал, ты постарайся быть

рядом, когда увидишь, что он ко мне подходит. Да и так забегай – починить что-нибудь. Вон и кран подтекает, и дверной замок плохо открывается. Хорошо?

– Хорошо, мисс Нина.

– Только ты ему не говори, что все мне рассказал. Пусть у нас с тобой будут свои секреты.

Мы же теперь с тобой друзья?

– Спасибо, мисс Нина. – Глаза индуса увлажнились от избытка чувств. – Вы назвали меня своим другом...

После обеда ветер начал усиливаться, из-за горизонта стали наплывать мрачные тучи, которые к вечеру заволокли все небо. Шторм вздымал страшные валы и обрушивал их на сухогруз, но тот уверенно выныривал из накрывшей его волны, взбирался на гребень следующей, чтобы вновь ухнуть в бездонную пропасть. Только к утру небо стало очищаться, но океан еще долго не мог успокоиться. Часам к восьми шторм наконец утомился и унесся куда-то на юго-запад.

Авральная команда во главе с боцманом Хлопко занялась поправкой крепления груза. Вахтенный помощник периодически принимал доклады боцмана. На мостик поднялся капитан.

– Как шторм?

– Давненько такого не видели, Иван Захарович. Судно в пределах нормы. Хлопко сейчас груз проверяет.

– Как второй дизель?

– Держится. Механик сейчас в машинном. Говорит, что пару сальников поменять, а так в норме.

– Закончит, пусть доложит о состоянии машин, а я пройду по грузовым. Где старпом?

– В рубку не поднимался пока, – замялся вахтенный помощник. – Может, с Пал Василичем груз осматривает.

– Что-то ты темнишь. Он что, пил вчера опять? – Нестеров с укоризной покачал головой и стал спускаться на грузовую палубу.

Боцман с матросами подтягивали ослабевшие крепления контейнеров. Капитан остановился и окинул глазами палубу. Видимых смещений груза не заметно. Хлопко увидел капитана и, вытерев беретом потное лицо, подошел к нему.

– Что-то я не пойму, Иван Захарович, что у нас с маркировкой контейнеров.

– Что такое, Павел Васильевич?

– Такое ощущение, что ставили с одними бирками, а теперь другие. Я помню, что номера и литеры шли по порядку.

– Точно помнишь?

– Точно помню. Не сами же они переползли. Помаемся теперь на разгрузке лазить по списку в четыреста штук. А если заказчик выборочно распломбировывать будет и проверять соответствие содержимого? Мы, конечно, только за целостность контейнеров и пломб отвечаем...

– Ладно, занимайся, разберемся. Старпом здесь был?

– Да нет, Иван Захарович, я как своих в семь часов выгнал, так никуда и не отлучался.

В дверь каюты постучали. Вошел старпом Казаков, как всегда наутюженный, выбритый, но лицо серое, нездоровое, и глаза мутные и пустые.

– Поздно поднимаешься, Михаил Сергеевич! Опять пил вчера? – Капитан внутренне весь кипел, но пока сдерживался.

– В служебное время я не пью, Иван Захарович, – насутился старпом, – вы это знаете, и службе это не вредит.

– Уже вредит, Михаил, уже вредит. Эта твоя выходка во время погрузки, полиция... потом меня угрозами заставляют брать пассажира, и я чуть было не срываю график. Теперь еще одна проблема возникла. С грузом.

Старпом заметно испугался. Брови вскинулись, в глазах что-то мелькнуло. Он облизнул губы и каким-то странным голосом спросил:

– Какая проблема?

– Или контейнеры при погрузке перепутали, или кто-то маркировку на них поменял.

– Ну, это не беда, – облегченно ответил Казаков, – грузили по документам. Я разберусь и в порту сдам в лучшем виде. Не беспокойтесь, Иван Захарович.

– Я беспокоюсь о том, зачем это сделано.

– Вы что, считаете, что кто-то сделал это умышленно? Но зачем?

– Или кто-то протащил на борт контрабанду, или еще зачем. Но если я узнаю, что ты в этом замешан, – лично сдам полиции. Не заставляй меня, Михаил, сомневаться в твоей чистоплотности. Если ты еще хочешь со мной на одном судне ходить, возьми за ум!

Когда Нина Боллард вошла, то поняла, что американский инженер опять в центре внимания. Вокруг него собралось человек двадцать моряков, сам же Морли с гитарой восседал в центре и приятным голосом пел старинную морскую песню про невернувшегося моряка и его невесту, которая каждое утро поднимается на утес в надежде увидеть знакомый парус. Когда песня закончилась, Морли глянул на остановившуюся у входа Нину и неожиданно выдал «Калинку-малинку». Он очень похоже имитировал на гитаре игру на балалайке и пытался петь по-русски, но так чудовищно коверкал слова, что аудитория буквально каталась по полу, давясь со смеху.

Когда песня закончилась, Морли передал гитару одному из моряков. Тот, безбожно дергая струны и фальшивя, стал выдавать «Цыганочку», двое из зрителей сразу же вышли в круг плясать. Морли стал пробираться через толпу, но мисс Боллард у входа уже не было. Американец в душе сплюнул – при всех своих талантах он за столько дней так и не смог застать бортового врача одну. Как она умудряется все время быть на людях или вести прием? Поздно вечером или ночью постучать в ее каюту Морли не решался. Боже упаси, кто увидит его за этим занятием. В его планы входило скрывать свой интерес к судовому врачу. Дважды за эти дни он приходил к ней на прием, и дважды в медпункте находились посторонние: то кто-то лежал с градусником, то кто-то проходил физиопроцедуру. Делать третью попытку было неразумно.

Глава 4

– Иван Захарович, Хлопко пропал! – выпалил старпом, врываясь к Нестерову без стука.
– Что значит пропал? – нахмурился капитан, уже предчувствуя недоброе.
– Похоже, что с ночи. Ребята говорят, что с авральными делами закончили, он пошел проверять, потом вернулся, потом вроде опять уходил. Может, в галюн, а может... Точно никто ничего сказать не может.

– Судно все осмотрели? – Нестеров вскочил и бросился к выходу, надевая на ходу фуражку.

– Ну, не то что бы все. Вообще-то начали.

– Вообще-то, – передразнил капитан, резко обернувшись к старпому. – Обшарить все снизу доверху! Поднять всех людей!

Такого аврала «Хоуп» не видел уже много лет. Восемь часов вся команда и даже американский инженер обшаривали все судно. Капитан лично допрашивал каждого члена команды: когда последний раз видел боцмана, где был вечером, ночью, что делал с точностью до минуты. Мисс Боллард все это время не уходила с палубы. Она то молча подходила к группам моряков, горячо обсуждавших происшествие, то заходила в судовую рубку и слушала переговоры с поисковыми командами. Судя по всему, боцмана на борту судна не было. Возвращаться назад по курсу для поисков на воде было бесполезно. «Хоуп» прошел за ночь больше ста миль. Вернуться точно в ту точку, где могло произойти несчастье, даже если эта точка и была бы известна, невозможно. Судно пройдет как минимум двумя-тремя, если не больше, милями в стороне – океан не шоссе и не снежный наст, на котором остаются следы. Если тело еще на плаву, то с борта корабля в океане его за милю не разглядишь. Если Хлопко еще жив, то он обречен, найти его в океане невозможно. Но жив он вряд ли. Это не Средиземное море, это южная Атлантика. Граница распространения антарктических плавучих льдов зачастую достигает здесь пятидесятого градуса южной широты. Судно шло хоть и в субтропиках, но температура воды за бортом не больше двенадцати-пятнадцати градусов по Цельсию. Человеку не продержаться и тридцати минут, а тут речь идет о пяти-семи часах.

День прошел в безуспешных поисках. Тягостная обстановка воцарилась на борту судна. Не слышно было ни смеха, ни громких разговоров. Неожиданно к Нине подбежал Макхар.

– Мисс Нина, давайте отойдем в сторону, это очень важно!

– Что случилось, Макарчик? – спросила мисс Боллард, вглядываясь во встревоженное лицо маленького индуса.

– Мисс Нина, вы можете определить, что это пятно – кровь?

– Где? Какое пятно?

– Мы перематывали канатные бухты на палубе, и под одной оказалось засохшее пятно. Похоже на кровь, – громким шепотом рассказывал Макхар. Вдруг он замолчал. Его поразило, как изменилось лицо доброго доктора мисс Нины. Оно вдруг стало жестким и сосредоточенным. Он даже немного испугался, как будто вместо мисс Нины перед ним стоял совершенно другой человек.

– Срочно доложить капитану! – приказала мисс Нина.

– Уже доложили. – Несколько опешивший Макхар пялился на Нину. – Я просто подумал, что вы можете помочь.

– Пошли, – коротко отрезала Нина, – покажешь, где нашли пятно.

Нина с Макхаром быстро спустились на грузовую палубу, где столпились матросы. Там уже стоял капитан Нестеров. На палубе лежал размотанный синтетический канат. В том месте, где была смотана бухта, виднелось большое темное пятно. Край его был смазан так, что сразу возникала мысль о тряпке, которой это сделали. Пятно, очевидно, было большим, и часть его

спешно замыли. В темноте или в спешке тот, кто замывал, не заметил, что кровь затекла и под бухту. Капитан сидел на корточках перед пятном, когда на палубу перед ним легла тень. Нестеров обернулся и увидел мисс Боллард.

– Какого... – Начал было он, но остановился. – Очень хорошо, что вы здесь, мисс Боллард. Вы можете определить происхождение этого пятна?

– Иными словами, капитан, вы хотите спросить – кровь это или нет?

– Именно, мисс Боллард.

– В условиях судового медпункта – да, но не смогу определить группу крови и другие характеристики, которые позволят установить ее принадлежность. Дайте мне кто-нибудь нож, – попросила она и достала из кармана носовой платочек.

Один из моряков подал Нине складной нож. Она присела на корточки и провела лезвием по пятну. В том, что это была кровь, Нина несколько не сомневалась, как и в том, что человек, из которого выпустили такое ее количество, давно уже мертв. Собрав часть запекшейся крови на платок, она свернула его и некоторое время еще осматривала палубу вокруг. В глаза ей бросились чьи то белые офицерские туфли. Нина сначала не поняла, за что зацепился ее взгляд, но потом сообразила – между кожей и подошвой одной туфли что-то чуть темнело. Не поднимая головы, чтобы не выдать направление своего взгляда, Нина присмотрелась. А ведь это кровь. Человек наступил в кровь, заметил это и на скорую руку отмыл туфлю, но не очень тщательно. Если бы она стояла, то ни за что не увидела этой темной полоски. Сидя же на корточках, она разглядела ее прекрасно. Нина медленно подняла голову. Туфли принадлежали старпому Казакову.

– Для исследования мне нужна еще и вот эта туфля, – показала она ножом, не сводя глаз со старпома.

Повисла гробовая тишина. Взгляды присутствующих медленно переключались с лица судового врача на лицо старпома, а затем и на его обувь. Казаков показал нечеловеческое самовладение. Сейчас в его адрес было практически брошено обвинение в убийстве.

– Чем вам не понравился мой ботинок, мисс Боллард, – спокойно спросил он, – а точнее, понравился?

– У вас на обуви кровь или что-то очень на нее похожее, – так же спокойно ответила Нина. Она обратила внимание, что моряки теснее стали за спиной старпома.

– Если я и испачкался, то только что вот об этот канат, когда неосторожно подходил сюда.

– Капитан? – повернулась Нина к Нестерову. Принимать решение она оставила на усмотрение капитана. О его отношении к старпому она знала уже очень хорошо.

– Ты, – ткнул пальцем Нестеров в одного из матросов, – быстро принеси из каюты старпома другие туфли.

Матрос убежал, а на палубе воцарилась напряженная тишина. Матросы угрюмо переглядывались, не поднимая глаз на старпома. Капитан, заложив руки за спину, наоборот, смотрел на старпома пристально, но без выражения, как на стену. Нина неожиданно осознала, что за спинами моряков стоит и Дональд Морли. Сколько он уже здесь стоит и когда подошел, она не заметила. Морли смотрел на пятно.

Наконец ботинки были доставлены.

– Михаил Сергеевич, – ледяным твердым тоном предложил капитан, – наденьте, пожалуйста, другие туфли, а эти передайте мне.

– Большую ошибку вы делаете, Иван Захарович, – громко сказал старпом. Глаза его сузились. Постояв немного и не дождавшись ответа, Казаков нагнулся и переобулся. Туфли протянул капитану. Тот некоторое время разглядывал их, затем приказал вахтенному:

– Старшего помощника Казакова в каюту под арест до моего особого распоряжения. Занести в вахтенный журнал. Это, – он кивнул на канаты и кровь, – пока не трогать. Тоже до моего личного приказа.

Старпом круто повернулся на каблуках и зашагал к себе в каюту. Моряки продолжали топтаться вокруг, затем стали медленно расходиться. Капитан повернулся к Нине и протянул ботинки старпома.

– Спасибо вам, Нина, – проговорил он ти-хо, – будем надеяться, что ваш острый глаз прольет свет на это несчастье. Постарайтесь, когда доберемся до места, провести более тщательное исследование крови. Хотя и так многое ясно.

Морли стоял за спинами моряков и смотрел на пятно. Хотя разговор велся по-русски, по ситуации он все понял. Виновен старпом или невиновен, сейчас это для Дональда было не столь важно. Важно то, что кого-то публично признали виновным и настоящий преступник, если такой есть, может некоторое время считать себя в безопасности. Как правило, они в таком положении расслабляются и делают ошибки. Но это если убийца не старпом. А если старпом? Кто они оба такие – он и боцман, что между ними произошло, связано это как-то с транспортировкой на этом судне импульсных ракет с документацией? Кстати, возможной транспортировкой. Увы, даже это точно неизвестно!

Среди ночи Нину разбудил стук в дверь каюты. Проснувшись она почти мгновенно, но мысли еще путались: «Настырный Морли добивается встречи, арестованный старпом сбежал и пришел мстить, судно столкнулось с айсбергом и тонет...» Включив ночник, Нина посмотрела на часы – половина третьего ночи. Накинув халатик, она спустила ноги с кровати, нащупала тапочки и поднялась.

– Кто там?

– Мисс Нина, это я, Макхар! – послышалось из коридора скороговоркой. – У нас несчастье, Борисенко упал и сильно ушибся. Я боюсь, как бы он не повредил себе позвоночник.

Нина открыла дверь. Индус, тяжело дыша, вошел в каюту. Было видно, что всю дорогу из грузовых трюмов он бежал. Нина посадила его на стул около двери, запахнула халатик и, стоя перед Макхаром, стала расспрашивать о подробностях.

– Ну-ка, Макарка, не тараторь. Спокойно расскажи, что и где произошло.

– Мы с Борисенко были на вахте. Поднимались по внутреннему трапу, а тут вдруг вырубилось аварийное освещение. Борисенко оступился и слетел по трапу на дно трюма.

– Какая высота?

– Метров пять.

– Симптомы, самочувствие?

– Он ничего не говорит, а только стонет.

– Чего же ты, балда, не позвонил, а пешком сюда мчался? И Борисенко там один лежит, – укоризненно сказала Нина..

– С ним Симон Карацолис. А вы в темноте хорошо ориентируетесь в трюмах? – невозмутимо отпарировал Макхар.

«А ведь точно! Уел меня Макарка, это я балда, а не он», – думала Нина, собирая все необходимое, что ей может понадобиться в этой ситуации. Наконец все собрав, она вручила сумку матросу и выгнала в коридор. Быстро накинув спортивный костюм, а поверх него белый халат, Нина подумала, а затем сняла трубку прямой связи с мостиком:

– Это Нина Боллард. В трюме сильно травмирован матрос Борисенко. Предположительно падение с пятиметровой высоты. Сообщил его напарник, Макхар.

– Я уже в курсе, Нина – ответил вахтенный помощник. – Что же это за несчастья на нас сыпятся... Вы сейчас туда?

– Да. Макхар проводит. Наверняка мне понадобится помощь для транспортировки пострадавшего. Когда будем на месте, я сообщу подробности и место расположения пострадавшего матроса.

– Хорошо, Нина, место я уже знаю, только я уж сразу пошлю с вами еще одного своего человека с вахты.

– Да, и еще. Макхар сказал, что там отключился свет, поэтому Борисенко и оступился.

– Понял. Электрика я уже отправил.

Нина вышла из каюты, и Макхар быстрым шагом повел ее к месту несчастья. Пока спускались по трапам, Нина прикидывала, как отсюда предстоит транспортировать пострадавшего, если у него действительно поврежден позвоночник. Придется городить какие-то лебедки, ведь по крутым трапам на носилках человека не поднять. Значит, еще и ждать утра. Наконец спуск закончился. Нина увидела двух человек, склонившихся над лежащим телом в луче переносного фонаря.

Борисенко лежал без движения и не подавал признаков жизни. Нина приложила пальцы к шее и убедилась, что матрос жив. Пульс был нечастый и нормального наполнения. Осмотр тела не выявил каких-либо опасных травм. Нина стала приводить пострадавшего в чувство. Через некоторое время Борисенко стал подавать признаки жизни. Наконец раздался слабый стон, веки задрожали. Раненый открыл глаза и слабо пошевелился.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Нина.

– Голова, – простонал Борисенко, – и дышать трудно.

– Какие-нибудь ощущения в области шеи, спины, внутренних органов чувствуете? Онемение, резкая боль?

– Нет... затылок. – Борисенко приподнял голову и потянулся рукой к затылку. «Слава богу, – подумала Нина, – перелома основания черепа нет, голова не пробита, руки шевелятся».

– Карацолис, подержите ему голову на весу. Борисенко, вы пошевелить ногами можете, ноги чувствуете?

– Вроде чувствую, – ответил матрос, пошевелил ступнями и слабо согнул и разогнул одну ногу.

Неожиданно в помещении вспыхнул свет. Нина и моряки посмотрели наверх, туда, где находился выключатель. Электрик, посланный вахтенным помощником, решил, пока Нина возилась с раненым, выяснить причину отсутствия освещения.

– Что за хреновина такая? – гулко послышался голос матроса сверху. – Тут все в порядке. Что же, свет сам выключился?

Все недоуменно молчали. И тут Нина заметила, что Макхар смотрит куда-то в сторону. Наверху, чуть в стороне от трапа, виднелась фигура человека. Незнакомец вышел на свет и оказался Дональдом Морли.

– Эй, Дон, – крикнул удивленный матрос наверху, – что ты здесь делаешь?

– Не спится что-то. Вышел на палубу прогуляться, а тут вы с доктором бежите, ну и пошел узнать, что стряслось.

– Чего же вы с нами не спустились или не окликнули? – удивилась Нина. – Какого черта вы там бродите?

– Хотел осмотреться наверху, вдруг тут еще кто-то есть. Свет ведь кто-то выключил, как выяснилось.

– Слушай, Дон, – крикнул снизу Карацолис, – а это не ты свет вырубил, когда мы поднимались?

– Симон, ты что, спятил? – возмутился американец. – Зачем мне это делать?

– Например, чтобы вас здесь не заметили, – невозмутимо поддакнула Нина.

– Мисс Боллард, ну рассудите здраво, зачем мне здесь прятаться? Что мне здесь вообще делать ночью? – очень искренне стал протестовать Морли. – Я действительно только вошел сюда за вами следом.

– Спуститесь-ка сюда, мистер, нам понадобится помощь, – решила прекратить Нина этот бесполезный диалог.

Морли затопал по металлу перехода, как показалось Нине, слишком подчеркнуто громко. Показывает, что тихо там не пройдешь, что его там в момент несчастья не было?

– Борисенко, вы сесть сможете? – спросила она раненого.

– Попробую, – прокричал Борисенко и оперся руками об пол. Караколис с Ниной стали ему помогать, поддерживая за плечи. Наконец Борисенко сел и потрогал голову. – Гудит, как паровой котел.

– Обошлось, – облегченно вздохнула Нина и достала из санитарной сумки тампон, – позвончик цел. Но сотрясение мозга обеспечено. Сплюньте мне на тампон, а ты, Макарьчик, посвети.

Борисенко сплюнул. Нина стала разглядывать слюну. Кажется, следов крови нет. Нет крови или мочи и под матросом на полу. Может, все обойдется сотрясением, без повреждения внутренних органов. Еще кожа на руках вся ободрана. Борисенко, падая, цеплялся руками за металл, и это его спасло. Если бы он не замедлил падение, хватаясь руками за трап, то все могло кончиться гораздо хуже.

– Мисс Нина, по трапу он не поднимется. Может, ручную лебедку наверху устроить? – предложил Макхар.

– Точно, – поддержал Караколис, – ременные тали с карабинами и ручную лебедку. Вдоль трапа поднимем, а наверху примем. Дальше можно и с носилками пройти.

– Хорошо, ребята, давайте, – согласилась Нина. Моряки бросились к трапу, но Нина остановила индуса. – Макарьчик, подожди.

Макхар остановился, глянул наверх и крикнул:

– Эй, мистер Дон, не спускайтесь. Поможете нам с лебедкой.

– Макарьчик, – зашептала Нина, – про инженера никому не говори. Не надо лишних подозрений, тут все и так не просто.

– Вы ему верите? – удивился Макхар.

– Ты мне веришь, Макарьчик? – вопросом на вопрос ответила Нина.

– Верю, мисс Нина. Вам я верю. – Искренне отозвался Макхар и стал подниматься по трапу.

Нина осталась одна с пострадавшим матросом в трюме. Прикладывая холодный компресс к его затылку, она слушала, как наверху скрипит транспортная тележка, как устанавливают ручную лебедку, и размышляла об инженере Морли. Зажужжала лебедка, снятая со стопора, и трос стал разматываться. Ловко, как обезьянка, по трапу скатился Макхар. На его шее висели ременные стропы.

– Готово, мисс Нина, можно поднимать.

Вдвоем с Макхаром удалось поднять пострадавшего на ноги и подвести его к висящему тросу лебедки. Маленький индус ловко опоясал Борисенко стропами так, чтобы тот поднимался в сидячем положении. Моряка сильно тошнило.

– Борисенко, потерпите, сейчас мы вас будем поднимать, – наставляла Нина моряка, – и лучше закройте глаза.

Борисенко сморщился со стоном. Мысль о том, что когда его поднимут на высоту, тошнить его будет еще сильнее, только добавила рвотных позывов. Борисенко стал стараться дышать глубже. Раненый не раненый, а блевать при женщине – ниже достоинства моряка.

– Эй, наверху, вира помалу, – крикнул заливчато Макхар по-русски.

Трос натянулся, и моряк плавно стал подниматься. Макхар, а за ним и Нина полезли по трапу параллельно с пострадавшим на тот случай, если понадобится помочь. Где-то на середине пути индус оглянулся и показал Нине пальцем на ступени:

– Осторожнее, мисс Нина, здесь ступенька сломана. Отсюда Борисенко и сорвался.

Нина остановилась и внимательно стала осматривать повреждение трапа. Пожалуй, здесь обошлось без вмешательства гипотетического злоумышленника. Ступеньку не подпиливали,

не подрезали. Ее вообще никто не повреждал умышленно. Просто со временем лопнул сварной шов. Когда-то, при изготовлении трапа, он оказался тоньше других. Сколько судну лет? Наверное, не меньше двадцати. Сколько ног моряков здесь протопало, пора и лопнуть шву. Просто Борисенко был намного крупнее и тяжелее, чем Макхар и Крацолис, под ним шов и лопнул. Не повезло моряку именно из-за его опытности. Неопытный человек поднимался бы по крутому трапу медленно и осторожно, аккуратно цепляясь руками за поручни. А опытные моряки снуют вверх и вниз очень быстро, рывками. Работа такая – делать все быстро, да еще и с моряцким шиком. Ладно, здесь понятно, но свет? Нина полезла догонять Макхара.

– Ну что, мистер, поговорим? – зловеще произнес Крацолис, подойдя к Морли, когда Борисенко подняли наверх и сняли с него ремни. Высокий жилистый грек славился своим мастерством в кулачных поединках.

– Вы что, ребята, – сделал наивное лицо Морли, – вы мне не верите? Да на кой черт мне выключать там свет? Да и как бы я там прокрался бесшумно? Там ведь железо везде, грохот от шагов за милю слышно. Вы же сами знаете, не первый день плаваете.

На лице Крацолиса появилось сомнение. Похоже, прав американец. Грек глянул на обувь инженера – это были не тапочки и не кроссовки, а прочные добротные кожаные ботинки. На такой подошве действительно мягко не пройдешь. Но так легко моряк отступить не привык, хотя и начал остывать:

– Ладно, мистер инженер, разберемся еще.

Нина с интересом наблюдала эту мизансцену, но развития событий не последовало. Она, конечно, могла посоветовать разуть мистера Дона и посмотреть на его носки, но делать этого не стала. Последствия этого осмотра не входили в ее планы, а в результатах его она не сомневалась.

Вашингтон. Белый дом

– Господин президент. – Директор Федерального бюро расследований чуть склонил голову, остановившись у входа.

Президент поднялся из-за стола и, вопреки обычаю, не подал руки и не предложил сесть, а прошелся по кабинету, сурово глядя себе под ноги. Выдержав приличествующую ситуации и предстоящему разговору паузу, он остановился около флага США, установленного возле рабочего стола, и повернулся лицом к вошедшему.

– Я недоволен тем, что граждане нашей страны рискуют своей жизнью и попадают в трагические ситуации из-за бездействия спецслужб.

– Простите, господин президент? – изобразил удивление шеф ФБР, лихорадочно перебирая в памяти последние события в стране, которые могли иметь отношение к его ведомству.

– Я имею в виду сомалийских пиратов! Вы знаете, сколько военных кораблей международного сообщества патрулирует эти воды?

– Простите, сэр, но мое ведомство занимается внутренними расследованиями, а международная преступность...

– Простите, сэр, – передразнил его президент, – но я осведомлен о содержании Конституции вверенной мне страны, я также знаком и с уставом вашего ведомства. Мне хотелось бы, чтобы вы, как его глава, смотрели на внутренние проблемы нашей страны гораздо шире и соотносили бы их с общемировыми.

«Что-то очень витиевато и туманно, – подумал шеф ФБР. – Проговорится или не проговорится президент? Или отделается дежурным разнесом для поддержания тонуса?»

– Не так давно на Аденском рейде заминированным катером атакован корабль ВМФ США. Погибло 17 моряков! И это не единственный случай, когда гибнут американские военнослужащие.

«Так, уже лучше, – думал шеф ФБР, – значит, одеяло тянет Пентагон. Понятно, что им нужен очередной «полигон» для своих игр».

– Через пару дней, – продолжал президент, – я собираю расширенное совещание по вопросам международной преступности и защите граждан США, находящихся за пределами страны. Будьте готовы выступить с докладом по вашему ведомству. Как это ни прискорбно сознавать, но в нашей стране есть граждане, и граждане высокопоставленные, которые преступно бездействуют, попустительствуют и даже имеют прямое отношение к международной преступности.

Величайшее открытие! Шеф ФБР мысленно усмехнулся, но внутренне насторожился. Слишком близко от цели легли президентские «пули». Только вчера шеф ФБР имел неофициальную встречу (если не сказать – тайную) с одним из членов сенатской комиссии по вооружению и одним из представителей национальной банковской системы. Не доложили ли президенту об этой встрече? Помимо официальных спецслужб, у президента есть и свои возможности. Его личная служба безопасности хотя и формально имеет определенную государственную ведомственную принадлежность, но фактически подчиняется только президенту и своему непосредственному шефу. А ребята там работают ого-го. Если президент узнает, о чем шла беседа, да и не только эта, то полетит прежде всего голова руководителя ФБР. Справиться с банкирами да и с сенатором – у президента руки коротки. Никто ему не позволит мешать зарабатывать настоящие деньги. Реальный бизнес строится не на тех крохах, которые получают страховые компании, работая с законопослушными гражданами и официальным бизнесом, и не на смешных банковских процентах, под которые кредитуются массовые покупки рядовых американцев. А государственные контракты на поставку вооружения – это, на фоне реальных поставок зарубежным режимам, вообще просто смешно. Настоящие деньги делаются без государственных границ. Доллар, он и в Африке доллар, да и в Азии тоже. Не с тех счетов шло финансирование на продвижение кандидатов в президенты, не с помощью тех счетов обеспечивается обработка общественного мнения. И я это понимаю, и в Сенате это понимают, и в Лэнгли. Президент это тоже понимает, поэтому все эти потуги – хорошая мина при плохой игре. Президент может треснуть хоть пополам от натуги, но если кому-то нужен будет финансовый кризис в стране или мировой финансовый кризис, то он будет. Будет в тот день и час, который эти люди определяют. Потому что эти люди делают деньги, и делают они их на всем, на чем их можно сделать.

– Я собираюсь выйти с предложением о создании комиссии по международной преступности и ввести в нее представителя и от вашего ведомства, – продолжал вещать президент.

«Ну да! Конечно, – ухмыльнулся про себя шеф ФБР, – предложение пройдет на ура. Если и создадут такую комиссию, то вся работа будет уходить в песок как вода. Не дадут ей работать, и финансирования практически никакого не будет. Не спасете вы свою репутацию этим, господин президент!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.